

Японская казарма.

(Окончаніе) ¹⁾.

6. Столкновение вольноопредѣляющагося съ старослужащими.

Нашъ третій день службы начался печальнымъ инцидентомъ во время умыванія.

Вышло дѣло изъ-за того, что при попыткѣ какого-то стараго солдата перехватить мою долю воды, извлеченной изъ колодца совмѣстно съ Ямамото, послѣдній не вытерпѣлъ и энергично потребовалъ, чтобы ведро досталось мнѣ. Задѣтый за живое старослужащій пробовалъ было ударить Ямамото, но тотъ увернулся; старослужащій повторилъ атаку, но опять его ударъ былъ отпарированъ въ воздухъ.

— Съ чего вы набросились на меня? спросилъ Ямамото.

— Что? Эта дрянь, будучи всего молодымъ солдатомъ, уже нахальничаетъ! и новое покушеніе ударить. Далѣе покушенія онъ,

¹⁾ См. № 5 «Воен. Сборн.».

однако, не пошелъ, ибо въ слѣдующее мгновеніе уже самъ лежалъ растянувшись на землѣ... Всѣ перепугались; только самъ, сдержанный всегда, молчаливый Ямамото, мужчина атлетическаго сложенія, оставался спокойнымъ. Видя неудачу «своего», приблизало нѣсколько старослужащихъ и поднялся колоссальный скандалъ.

Къ счастью, все это было подмѣчено какимъ-то офицеромъ, вышедшимъ на дворъ тоже для мытья. Тотъ прекратилъ драку и приказалъ всѣмъ послѣ повѣрки явиться къ нему.

Понятно, такое исключительное происшествіе, какъ избіеніе старослужащаго (котораго обыкновенно боятся хуже чорта) молодымъ вольноопредѣляющимся, съ быстротою молніи разнеслось по всей ротѣ, и когда мы съ Ямамото вернулись въ баракъ, ефрейторъ былъ уже обо всемъ освѣдомленъ.

— Почему ты, вольноопредѣляющійся Ямамото, учинилъ такой беспорядокъ, когда за оскорбленіе начальника положено тюремное наказаніе? Кромѣ того, знаешь же, что изъ-за этого страдаемъ еще мы съ г. отдѣленными! Мною уже заявлено о нежеланіи состоять при командѣ вольноопредѣляющихся и мнѣ теперь нѣтъ никакого дѣла, но гг. старые солдаты тебѣ покажутъ!

Однако, ефрейторъ не ограничился этимъ и послѣ завтрака потребовалъ еще мое показаніе. Зная полную бесполезность какой-либо аргументаціи, я вкратцѣ передалъ, что старослужащій хотѣлъ ударить Ямамото, но, такъ какъ тотъ увернулся, то самъ, вѣроятно, свалился съ ногъ.

Строевыя занятія прошли по вчерашнему, а вечеромъ на словесность, которая въ общемъ на меня производила такое впечатлѣніе, какъ будто собачье мясо хотятъ преподнести подъ видомъ баранины, подпрапорщикъ начиталъ намъ такія подробности о степеняхъ знаковъ отличія, ихъ способахъ ношенія и класификаціяхъ награждаемыхъ, что никто сразу этого запомнить не былъ въ состояніи. Разозлившись ужасно, подпрапорщикъ опять пригрозилъ, что, если, моль, *мы* такъ, то и *имъ* придется принять мѣры!

.

7. Дневальство при кухонной посудѣ.

Въ числѣ трехъ дневальныхъ при кухонной посудѣ я впервые попалъ на кухню, о которой мнѣ уже раньше пришлось слышать, какъ о чемъ-то ужасномъ.

На каждый баталіонъ полагается по одной кухнѣ. Наша пред-

ставляетъ изъ себя какую-то странную постройку глубиною въ четыре сажени, а шириною около 10 сажений: настоящій фабричный навѣсъ низшаго сорта. Внутри имѣются три помѣщенія: для кипяченія воды, варки риса и приготовленія овощей. Выдаютъ пищу съ тыловой стороны, куда и собираются наряженные изъ ротъ дневальныя.

Среди тоскливаго выжиданія вдругъ раздался дикій голосъ:

— Экая дрянь! Какой роты этотъ нахаль?

Въ окно видно, какъ трое старослужащихъ въ грязныхъ мундирахъ, съ высоко засученными рукавами, своимъ гнуснымъ видомъ и черными фizioноміями похожихъ скорѣе на кочегаровъ изъ индійцевъ, нежели на носителей почетнаго воинскаго званія, обступили и насѣдаютъ на какого-то молодого солдата. Угольникъ у ногъ послѣдняго, вся его трясущаяся и вытянувшаяся «смирно» фигура выдаютъ, что имъ сдѣлана попытка стянуть безъ разрѣшенія горячій уголь въ роту. Оказывается, что молодой солдатъ посланъ ефрейторомъ; тѣмъ не менѣе, его выругали и прогнали съ пустыми руками, что, повидимому, казалось весьма забавнымъ для самихъ преслѣдователей. Потомъ они перешли къ разговору о воскресномъ отпускѣ и магнитахъ сердець, причемъ одинъ страшно обидѣлся на замѣчаніе товарища, что его рожа какъ нарочно для того только и создана, чтобы дѣвицы падали въ истерику. Схвативъ ковшъ съ кипяткомъ, онъ направился на издѣвающагося, но угрожаемая сторона со смѣхомъ бросилась бѣжать, находя и это выступленіе чѣмъ-то веселымъ. Эхъ, грубость! эхъ, невѣжество....

Послѣ завтрака пошли мыть посуду. Для этого сзади кухонь имѣются 2 артезіанскихъ колодца, а около нихъ 3 чана, діаметромъ въ 4 фута каждый. По принятому способу, мыли въ грязной водѣ, не мѣняя ея, а вытирали кусками веревокъ, валявшихся около колодцевъ на землѣ. Припоминая, что по этимъ же веревкамъ ходили съ грязными сапогами и лапами люди и животныя, сильно поражаешься нелогичностью жизни, когда дежурный по кухнѣ старый солдатъ, при приѣмѣ посуды, безжалостно отсылаетъ на повторную мойку весь комплектъ, если гдѣ-нибудь пристала хоть малѣйшая крупинка риса.

Обѣдъ, послѣ подобныхъ утреннихъ открытій, мнѣ какъ-то особенно былъ не по сердцу, но и не ѣсть нельзя: надо же набрать силъ для вечернихъ занятій. Кромѣ обыкновенныхъ ученій, сегодня проходили еще способы отданія чести, а это наука гораздо болѣе сложная, чѣмъ это можетъ показаться поверхностному стороннему наблюдателю.

Въ виду приближенія воскресенья, мы стали интересоваться отпускомъ. Естественно, что изстрадавшимся за цѣлую недѣлю недостаточно только хорошо поѣсть на сторонѣ, но пужно и душѣ дать отдыхъ, что въ казарменной обстановкѣ, гдѣ даже ночью будятъ и бьютъ людей за неаккуратно сложенные вещи, положительно невозможно. Есть, правда, въ полку, кромѣ лавочки, еще рекреационная комната, но самого убійственнаго вида. Это—конурка, какія на захолустныхъ станціяхъ захолустнѣйшихъ желѣзнодорожныхъ линій отводятся у насъ подъ залъ 1-го и 2-го классовъ; въ конуркѣ имѣется столъ, на которомъ валяются два-три жиденькихъ журнальчика и захудалыхъ газетки, а кругомъ—деревянные скамьи. Не здѣсь же отвести душу!

Услышаль про наши сомнѣнія г. ефрейторъ и прежде всего опять выразилъ свое превосходство обычнымъ путемъ, такъ и говоря, что мы, молъ, настоящіе идиоты и только корчимъ изъ себя умницъ. По интересующему насъ сейчасъ вопросу онъ потомъ любезно прибавилъ, что на воскресенье и праздничные дни можно нанять въ городѣ комнату, и что сдѣлать это, естественно, слѣдуетъ при посредничествѣ гг. деньщиковъ.

При сдачѣ послѣ ужина посуды оказался недостатокъ одной миски. Дежурный по кухнѣ выругалъ насъ отъ всего сердца и разумнѣя и категорически отказался принять посуду, пока не будетъ представлено полное число. Пришлось о горѣ доложить ефрейтору. Тотъ опять выругалъ, а потомъ приказалъ открыть «кладовку» (такъ называлась дыра подъ поломъ камеры), изъ которой извлекъ одну старую миску, поясняя свою мудрую отеческую предусмотрительность «на черный случай» недоувѣриемъ къ нашимъ умственнымъ способностямъ. Я же подумалъ, что это—грабежъ среди бѣлаго дня, не мало горя доставившій въ свое время другому молодому солдату въ моемъ положеніи.

Пока мы занимались, въ помещеніи была поставлена печка и около 10 связокъ дровъ, но затопить не разрѣшалось. Самочувствіе забнувшего этимъ лишь ухудшилось. Зажали кошкѣ ротъ удиломъ, а передъ глазами нарѣзанная свѣжая рыба!

8. Первая суббота.

Послѣ утреннихъ занятій еще разъ повѣрили отданіе чести, и съ этихъ поръ наша свобода кончилась совершенно, ибо теперь при всякой встрѣчѣ со старшимъ полагалось исполнять установленныя церемоніи.

По части новыхъ впечатлѣній долженъ сказать, что сегодня мы впервые попали въ баню. До сихъ поръ въ нее ходили только старослужащіе, хотя баня регулярно топилась черезъ день. Встрѣтилъ насъ ужасный шумъ: стучали по краямъ бассейна, пѣли, ревѣли, переругивались съ дежурнымъ, чтобы поддавалъ жару, и, вообще, вся атмосфера дышала глубокимъ произволомъ. Не преминулъ проявить себя снова г. ефрейторъ, безъ спросу забравъ мою мыльницу и приказавъ вольноопредѣляющемуся Аемню вымыть себѣ спину. Будучи невольнымъ свидѣтелемъ интимнаго разговора «молодого» барина и старослужащаго—бывшаго слуги, я здѣсь лишній разъ убѣдился въ неискренности той любви къ отечеству, которая отрицаетъ привязанность къ родному уголку, къ собственной семьѣ, и пополнилъ познанія въ военномъ жаргонѣ сравнительно остроумнымъ выраженіемъ «быть сфотографированнымъ» (что значить—получить крѣпкій выговоръ).

Въ конечномъ результатѣ всего купанія я только простудился, такъ какъ въ бассейнѣ было тѣсно, какъ въ селедочной бочкѣ, а воды чуть до бедеръ.

Вечеромъ подпрапорщикъ разъяснялъ намъ императорскій наказъ арміи отъ 4-го января 1882 г., приказывая затѣмъ выучить его по «солдатской памяткѣ». Далѣе онъ досталъ изъ кармана какую-то книжку и началъ читать:

«Солдаты служатъ для славы его величества и охраны отечества, а потому они должны строго соблюдать нижеслѣдующіе артикулы:

§ 1. Искренно культивируя вѣрнопреданность, не поступать противъ вѣрности и лойяльности;

§ 2. Почитая начальниковъ и относясь правдиво къ товарищамъ, не быть грубыми и высокомерными;

§ 3. Исполняя немедленно и безпрекословно приказанія начальниковъ, не допускать духа противорѣчія и непослушанія;

§ 4. Храбро и усердно неся службу, не поддаваться страху и слабостямъ;

§ 5. Не допускать бравированія животными инстинктами, не предаваться дракамъ, не издѣваться надъ товарищами и не третировать съ ненавистью штатскую публику;

§ 6. Ведя нравственный образъ жизни, блюсти простоту, не предаваясь излишествамъ и изнѣженности;

§ 7. Уважать честь и высоко ставить порядочность, отнюдь не позволяя себѣ низменности и жадности характера.

Кромѣ того, не слѣдуетъ нарушать существующихъ законовъ, такъ какъ это не ограничивается личнымъ позоромъ, но бросаетъ тѣнь на все будущее семьи, а также на честь предковъ, подтачивая устой отечества. По этому пути можно дойти до лишенія всѣхъ правъ и преимуществъ, свойственныхъ человѣку въ силу его божественнаго происхожденія.

Требованія чести и порядочности особенно важны для военнаго, и законы, карающіе военныя преступленія, особенно строги, такъ какъ въ этомъ случаѣ не только причиняется зло части, но военные вообще лишаются довѣрія общества, а честь военнаго мундира роняется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Въ дополненіе къ прочитанному подпрапорщикъ прибавилъ, что мы вышеизложенное должны уже знать изъ текста присяги и что въ слѣдующій разъ онъ провѣритъ знаніе ея нами наизусть.

9. Въ отпуску.

Въ воскресенье, съ самаго утра стали готовиться къ отпуску. Выстроились въ одну шеренгу впереди барака, и ефрейторъ подвергъ всѣхъ тщательному осмотру, отсылая обратно тѣхъ, у кого пуговицы или сапоги не были достаточно отполированы. Выдержавъ еще ревизію подпрапорщика, которая длилась около получаса, и въ продолженіе дальнѣйшихъ 20 минутъ выслушавъ разныя правоученія о томъ, что можно дѣлать и чего нельзя, мы, наконецъ, въ 9 ч. 50 м. утра, подъ командою ефрейтора, прошли черезъ парадныя ворота казармъ въ городъ (на занятія насъ водили всегда заднимъ ходомъ). Прибывъ въ нанятую комнату—грязную, непривѣтливую и тѣсную для 11 человѣкъ, я все же съ особеннымъ удовольствіемъ снялъ сапоги и по домашнему посидѣлъ на циновкахъ. Отдохнувъ здѣсь немного, отправились, по приглашенію ефрейтора, на осмотръ города и скоро очутились въ кварталѣ проститутокъ. Этому мѣсту дано военное названіе «3.000 метровъ», объясняющееся отдаленностью его отъ казармъ. Г. ефрейтору, нѣкоторымъ вольноопредѣляющимся и дѣвицамъ наше посѣщеніе казалось весьма занятнымъ, а неодобряющимъ его ничего не оставалось дѣлать, такъ какъ мы были безъ оружія, а въ такомъ видѣ безъ старшаго въ командѣ никуда не пойдешь. Сталъ приставать къ намъ зазыватель заведенія, но «гг. будущіе офицеры»—какъ насъ величалъ тотъ—отказались отъ визита, къ видимому разочарованію «начальства». Отсюда пошли въ трактиръ пообѣ-

дать; заказали также 10 бутылокъ водки, изъ коихъ $\frac{2}{3}$ навѣрное перешли въ утробу уважаемаго ефрейтора. По дорогѣ купили еще пару уставовъ, тряпочекъ, масла и прочихъ необходимыхъ вещей (причемъ было замѣтно, что ефрейтору вездѣ доставались преміи; въ книжной лавкѣ, напримѣръ, цвѣтной карандашъ), а потомъ, такъ какъ было уже около 3 час. дня, мы съ Ямамото, Кунни и Абе рѣшили остаться въ номерѣ, а остальные пошли бродить далѣе. Вчерашняя простуда постепенно стала сказываться на мнѣ.

Въ половинѣ пятаго явился ефрейторъ и повелъ команду обратно въ казармы.

Поужинавъ, мы получили вдругъ приказаніе построиться во дворѣ казармы. Оказалось, что будемъ разучивать военныя пѣсни, и какой-то унтеръ затынулъ:

„За двѣ тысячи четырехста верстъ
Въ Синсю молодцовъ много:
Среди нихъ истинно бравый мужчина и т. д.

Пѣсня эта шла про портъ-артурскаго героя, капитана 2-го ранга Хиросе, и была въ сущности послѣднею новостью. Пѣние поэтому и не сразу налаживалось, а музыкальная безсвязность осложнилась еще тѣмъ фактомъ, что изъ прочихъ ротъ также доносились подобные неплѣнительные звуки. Кунни предложилъ назвать всю оперу «Воемъ волковъ издали», и эта кличка такъ и осталась за спѣвками.

10. Въ приемномъ покоѣ.

На другое утро у меня сдѣлалась такая головная боль, что казалось будто черепъ лопается. Пошелъ къ ефрейтору просить освобожденія отъ занятій, но тотъ, не вдаваясь въ ближайшіе разговоры, крикнулъ:

— Что? Вчера цѣлый день гулялъ, а сегодня трудно идти на занятія. Не быть такому самоволію!

Дѣлать нечего: съ трудомъ продержался на ногахъ, выслушивалъ, какъ начальство называло меня «хитрымъ», а къ вечеру принялъ такой видъ, что подпрапорщикъ уже не могъ не обратить вниманія и приказалъ мнѣ завтра явиться въ приемный покой.

Настало утро. Когда здоровые ушли на занятія, дежурный ефрейторъ, по сигналу трубы, повелъ меня и еще пять человекъ въ приемный покой. Больныхъ собралось здѣсь человекъ 70—80; поджидая

врачей, кто сидѣлъ на скамейкахъ внутри, кто, согрѣваясь на солнышкѣ и коротая время трубкою и воспоминаніями о вольной жизни, оставался снаружи. Врачей явилось по одному на баталіонъ, и начался опросъ больныхъ, о результатѣ котораго каждый разъ дѣлались указанія сопровождающему фельдшеру. Мнѣ дали 2 дня освобожденія отъ занятій, о чемъ была наложена печать въ ротной книгѣ больныхъ, а для непосредственнаго лѣченія я еще получилъ рецептъ на выдачу мнѣ въ смежной комнатѣ порошковъ. Все это дѣлалось такъ поспѣшно и шаблонно, что на меня невольно произвело впечатлѣніе нѣсколько небрежнаго отношенія.

Вернувшись въ холодное помѣщеніе и не имѣя разрѣшенія лежать, я прикурнулъ на столѣ и предался своимъ думамъ. Думалъ я между прочимъ о томъ, чѣмъ-бы могла быть вызвана эта сила японской арміи, несмотря на всѣ явные дефекты, и пришелъ къ заключенію, что источникъ ея въ нашей островитянской любви къ родному крову, къ родителямъ, а отнюдь не въ громко провозглашаемомъ духѣ историческаго рыцарства. Въ самомъ дѣлѣ, какой тутъ *бусидо*, когда современная армія самая разношерстная: рядомъ съ потомкомъ гордаго самурая стоятъ крестьяне, горожане и даже сыны стоявшихъ раньше внѣ человѣческихъ правовыхъ рамокъ слоевъ населенія!

На третій день опять началъ нести службу, и въ тотъ же вечеръ мнѣ пришлось наблюдать, какіе ужасы могутъ возникнуть изъ сущихъ пустяковъ. Дѣло въ томъ, что при смѣнѣ внутреннихъ дневальныхъ не доставало палочекъ отъ угольника, и сдача никакъ не могла совершиться. Пошли поиски, волненія, а въ концѣ концовъ оказалось, что палочки были временно забраны какимъ-то деньщикомъ изъ старослужащихъ!

11. Полевое ученіе.

Уже вечеромъ г. отдѣленный далъ намъ знать, что на завтра назначено полевое ученіе. За завтракомъ мы получили еще дорожный обѣдъ, и въ 8 час. утра выступили по межѣ среди рисовыхъ полей. Началась тутъ же просвѣтительная дѣятельность начальства съ вопроса о томъ, какъ будетъ называться подобная дорога, по которой мы сейчасъ двигаемся. Такъ какъ изъ насъ никто военнаго термина не зналъ, то самъ отдѣленный представилъ намъ ее какъ «дефиле». Далѣе мы познакомились съ перекрестками T, V, +,

съ разными видами лѣсовъ и населенныхъ пунктовъ, причемъ всѣмъ предметамъ по военному давались такія необыкновенныя наименованія, что отъ нихъ разило прямо-таки иностранщиной. Придя въ прекрасный сосновый лѣсокъ, сдѣлали приваль. Началась обычная переэкзаменовка пройденныхъ вчера словесныхъ предметовъ, а также заученныхъ по пути названій, давая массу курьезнѣйшихъ отвѣтовъ. Затѣмъ съѣли забранный съ собою обѣдъ, занялись вольной гимнастикой, боролись подъ руководствомъ подпрапорщика и къ 4 час. дня вернулись домой.

Во время одного изъ слѣдующихъ занятій случилось, что команда вольноопредѣляющихся пропустила мимо ушей замѣчаніе отдѣленнаго. Тотъ пришелъ въ неистовый гнѣвъ и пустилъ насъ разъ 20 бѣгомъ по склону горки. Результатомъ этой попытки явилось то, что я съ Кунни еле-еле переводили духъ, у Юсиды потекла кровь изъ рта, а крѣпкій парень Аемня легъ въ госпиталь, гдѣ сталъ чахнуть, пока его въ апрѣлѣ совершенно не освободили отъ службы по болѣзни.

12. Третья недѣля.

Изъ новостей мы теперь узнали, такъ называемая, «промежуточные» занятія. Состояли они въ томъ, что, послѣ подъема, намъ немедленно надлежало построиться во дворѣ, гдѣ насъ согрѣвали продолжительнымъ бѣгомъ и вольной гимнастикой до завтрака, съ такимъ расчетомъ времени, что некогда было даже помыться. Въ скоромъ времени такъ разболѣлись ноги и поясница, что стало тяжело нагибаться.

Въ четвергъ ротный командиръ прочелъ намъ, съ серьезностью военного прокурора и авторитетностью дивизионнаго врача, нотацию по поводу незавернутыхъ чашекъ для ѣды, поясняя всю опасность въ данномъ случаѣ отъ множества смертоносныхъ бациллъ, находящихся въ пыльномъ воздухѣ камеръ. Но зналъ ли онъ, какъ моется у насъ посуда?

Тѣмъ временемъ я получилъ изъ дому письмо съ увѣдомленіемъ, что мнѣ высланы, для простоты, прямо на роту книги и 8 іенъ денегъ. Пошелъ въ канцелярію. За столомъ тотъ самый фельдфебель, съ которымъ я познакомился въ день поступленія въ полкъ. Обращаюсь къ нему съ просьбою выдать мнѣ въ счетъ перевода 5 іенъ, но фельдфебель только надулся и съ суровымъ видомъ объяснилъ мнѣ, что, по существующимъ правиламъ, болѣе 20 іенъ въ мѣсяцъ своихъ денегъ потреблять не разрѣшается. Выходить,

что въ финансовомъ отношеніи вольноопредѣляющіеся поставлены въ худшія условія, нежели жеребьевые: послѣдніе получаютъ же еще и казенное содержаніе!

Въ субботу вечеромъ отдѣленный сказалъ намъ слѣдующую рѣчь:

— «Его благородіе командиръ роты приказалъ написать сочиненіе о первыхъ вашихъ впечатлѣніяхъ въ полку, а также перечислить свои любимыя вещи и отличительныя способности. Предлагаю всѣмъ представить мнѣ эти бумаги къ четвергу будущей недѣли. Любимыми вещами являются водка, табакъ, и т. п., а отличительными способностями будутъ называться скрытыя въ каждомъ искусства, которыя могли-бы пригодиться въ случаяхъ полковыхъ празднествъ».

Только въ послѣдствіе мы узнали, что въ дѣйствительности эти данныя принимаются въ соображеніе при составленіи аттестаціоннаго листка cadaго.

13. Конецъ года.

Съ четвертой недѣли служба стала еще труднѣе. Начались занятія съ ружьемъ, а, пока вычистишь его, въ лавочкѣ уже все распродано: лишили насъ послѣдняго удовольствія. Сначала мы никакъ не могли сообразить, какъ это другіе ухитряются такъ скоро справиться со всѣми дѣлами и лишь потомъ узнали, что тѣ спокойно откладываютъ чистку винтовокъ на потомъ. Попробовали-было и мы поступать такимъ образомъ, но сами не рады были этому. Ефрейторъ подмѣтилъ сразу нашу уловку, выбранилъ какъ слѣдуетъ, прочелъ лекцію о духѣ воина, отражающемся на состояніи оружія, и наконецъ выставилъ насъ, на подобіе деревянныхъ буддъ, въ одну шеренгу съ ружьемъ «на караулъ». Наказаніе это длилось 30 минутъ.

Отъ усиленныхъ занятій аппетитъ какой-то неестественный, а на этой почвѣ встрѣчаются почти патологическія явленія. Бывали случаи, что солдатъ съѣдаетъ чужую порцію, что рисъ съѣдается ранѣе, чѣмъ подоспѣютъ приварочныя вещества и т. д. При постоянномъ подтягиваніи со стороны начальства и молчаливомъ терпѣніи среди своихъ, человекъ какъ-то тупѣетъ; тѣмъ не менѣе бывають случаи, когда мириться трудно. Такъ тяжело было мнѣ, когда ротный командиръ, наложивъ на Аоги наказаніе—одинъ мѣсяць безъ отпуска—за то, что тотъ выпрашивалъ у родителей

карманные деньги, на усиленную просьбу о прощениі даже не оглянулся на бѣднаго вольноопредѣляющагося.

Регулярныя занятія прекращаются 28-го декабря, но внѣочередныя утреннія ученія не прерывались и въ періодѣ отдыха по случаю конца года.

Какъ разъ того-же 28-го числа случилось у насъ довольно серьезное дѣло: въ смежной съ нами камерѣ была совершена кража кошелька, и отъ подозрѣнія не хотѣли изъять даже насъ, заставляя путемъ тайнаго голосованія намѣтить виновника. Возмущенные такимъ отношеніемъ, мы послали Ямамото и Кунни къ начальнику отдѣленія съ протестомъ. Представители наши, однако, получили тамъ только пощечины и были прогнаны. Мы стали готовиться къ дальнѣйшей борьбѣ, но тутъ дѣло какъ-то замаяли, причемъ пострадалъ болѣе всего самъ обокраденный. Его обозвали дуракомъ и, вдобавокъ, дали 6 нарядовъ внѣ очереди на кухнѣ за то, что держалъ при себѣ деньги сверхъ положенной нормы.

Въ день Новаго года командиръ роты сказалъ краткое привѣтствіе, потомъ насъ водили на поклоненіе портрету его величества въ офицерское собраніе и, наконецъ, уволили со двора.

Убранство казармы и праздничная раскладка мало чѣмъ напоминали торжественный день Новаго года...

14. *Заключеніе.*

Съ 6-го января занятія пошли опять нормальнымъ порядкомъ, а со втораго воскресенья новаго года мы стали пользоваться одиначнымъ отпускомъ въ городъ.

Въ серединѣ февраля, при упражненіяхъ роты въ преодоленіи препятствій, я свалился съ бревна въ глубокую канаву и настолько серьезно повредилъ себѣ ногу, что, казалось, уже самъ не встану. Но на нашихъ подпоручиковъ (всѣ подпрапорщики въ началѣ января были произведены) хоть-бы что! Окадзаки обозвалъ меня трусомъ и приказалъ слѣдовать за ротой, а нужно вамъ сказать, что этотъ молодой офицеръ, происходящій изъ гимназистовъ, еще возбуждалъ недовольство остальныхъ офицеровъ изъ кадетъ, за то, что недостаточно умѣлъ «подтягивать» нахаловъ-вольноопредѣляющихся. Такова ужъ жизнь. Будучи въ военномъ училищѣ, этомъ суровѣйшемъ учрежденіи всей Японіи, сами юнкера тяготятся строгостью режима и аккуратно ведутъ счетъ метрамъ булокъ, которые еще осталось доѣдать, а какъ выйдутъ въ начальники, такъ все забыто...

Итакъ, доплелся я кое-какъ до дому и на слѣдующій день легъ въ госпиталь на-долго.

Больничная обстановка, хорошая пища и обращеніе сначала на меня произвели очень хорошее впечатлѣніе, но постоянное лежаніе какъ разъ въ то время, когда «весна идетъ, зоветъ, манитъ», тоже вещь довольно тяжелая.

Изъ обитателей больницы двое особенно возбуждали мой интересъ: одинъ—дикій рыбакъ крайнею независимостью, а другой—полною смиренностью характера.

Первый уже числился на службѣ болѣе десяти лѣтъ, но, въ виду неоднократныхъ побѣговъ къ вольному океану и отсиживания тюремнаго наказанія, никакъ не могъ выслужить законнаго срока. Онъ ничего уже не боялся, уходилъ, когда пожелалъ, къ своей кельнершѣ, требовалъ лишнія порціи пищи и, вообще, никого не признавалъ. Второй же—полная противоположность! Помѣшавшись на покорности, онъ при каждомъ обращеніи издѣвающихся товарищей вытягивался смирно, говорилъ только «такъ точно, никакъ нѣтъ» и, по заказу, составлялъ недурные стихи...

Рушанъ.

